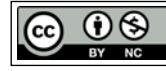

ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ В ПРАВОВОМ И ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Научная статья
УДК 340.1
EDN: MUYRPP

Статья опубликована на условиях лицензии
Creative Commons Attribution 4.0
International License

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ «УЗУРПАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ» В ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Саткынай Калыбековна НАСБЕКОВА

*Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына
Кыргызская Республика, Бишкек, satkynai26@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-8286-1966>*

Сыркак Медеркулович КЕНЖЕБАЕВ

*Институт государства и права Национальной академии наук Кыргызской Республики,
Кыргызская Республика, Бишкек, dzuzuka13@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0007-1764-3327>*

Камила Мырзабековна МАТЕЕВА

*Американский Университет в Центральной Азии,
Кыргызская Республика, Бишкек, kami.mateeva@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0009-3533-6923>*

Аннотация. Исследование определения понятия «узурпация государственной власти» проводится в рамках теории и истории государства и права. Цель статьи – выявление сущностных характеристик узурпации, анализ эволюции понятия в различных доктринах – от классической философии до современного юридического позитивизма и естественно-правового подхода.

Методология исследования основана на диалектическом, сравнительно-правовом и формально-юридическом методах, а также анализе первоисточников, нормативных актов и научных комментариев. Рассматриваются различные научные концепции власти в зависимости от их соответствия нормам легитимности и законности.

Результаты исследования доказывают, что в современном правоведении следует учитывать как формальные признаки власти (в рамках позитивизма), так и политической этики (в рамках натурфилософии), особенно при растущих политико-правовых трансформациях. Обсуждение проблемы подтверждает, что позитивистский подход обеспечивает формальную правовую определенность, тогда как естественно-правовой – скрытые и гибридные формы узурпации.

В заключении делается вывод о необходимости комплексного подхода для своевременного распознавания и предупреждения узурпации власти в условиях демократического правового порядка и сохранения конституционного баланса.

Ключевые слова: узурпация государственной власти, легитимность, позитивизм, разделение властей.

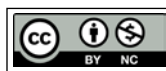
Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Для цитирования: Насбекова С.К., Кенжебаев С.М., Матеева К.М. Определение понятия «узурпация государственной власти» в юридической науке // Вестник Поволжского института управления. 2025. Т. 25, № 6. С. 52–62. EDN: MUYRPP

© Насбекова С.К., Кенжебаев С.М., Матеева К.М., 2025

Original article

This work is licensed under a
Creative Commons Attribution 4.0
International License

DEFINING THE CONCEPT “USURPATION OF STATE POWER” IN LEGAL DOCTRINE

Satkynai K. NASBEKOVA

*Jusup Balasagyn Kyrgyz National University, Bishkek, Kyrgyz Republic
satkynai26@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-8286-1966>;*

Syrgak M. KENZHEBAEV

*Institute of State and Law of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic
Bishkek, Kyrgyz Republic, dzuzuka13@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0007-1764-3327>.*

Kamila M. MATEEVA

*American University of Central Asia, Bishkek, Kyrgyz Republic
kami.mateeva@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0009-3533-6923>*

Abstract. The study of the definition of the concept “usurpation of state power” is carried out within the framework of the theory and history of state and law.

The aim of the article is to identify the essential characteristics of usurpation and to analyse the evolution of this concept in various legal doctrines, from classical philosophy to modern legal positivism and natural law theory.

The methodology is based on dialectical, comparative legal, and formal-legal methods, as well as the analysis of primary sources, normative acts, and academic commentary. The study examines various theories of power in relation to issues of legitimacy and legality.

The findings demonstrate that modern legal scholarship must consider both the formal features of power (within the positivist framework) and political ethics (within natural law theory), especially in the context of increasing political and legal transformations.

The discussion reveals that the positivist approach provides legal certainty, while the natural law approach captures hidden and hybrid forms of usurpation.

The conclusion emphasizes the necessity of an integrated approach to timely detection and prevention of usurpation of power under conditions of democratic legal order and the preservation of constitutional balance.

Keywords: usurpation of state power, legitimacy, legal positivism, separation of powers.

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Contribution of the authors: all authors have made equivalent contributions to the publication.

For citation: Nasbekova, S.K., Kenzhebaev, S.M., Mateeva, K.M. Defining the Concept “Usurpation of State Power” in Legal Doctrine // The Bulletin of the Volga Region Institute of Administration. 2025. Vol. 25, № 6. P. 52–62. EDN: MUYRPP

Введение. Проблематика узурпации государственной власти представляет собой одну из наиболее острых, актуальных и дискуссионных тем в современной юридической науке, так как касается фундаментальных категорий и институциональных принципов, определяющих правовую природу государства — легитимности власти, принципа разделения властей, юридической ответственности публичных институтов, пределов допустимого перераспределения властных полномочий.

Актуальность данной темы обусловлена не только теоретической значимостью, но и практической направленностью: в условиях глобальных политических трансформаций, конституционных реформ и усиления авторитарных тенденций угроза узурпации власти приобретает все более завуалированные формы, захват власти может осуществляться не только путем насильственного переворота или грубого нарушения закона через процедуры, внешне соответствующие действующему правопорядку, что существенно усложняет распознавание подобных явлений.

В юридической науке пока не сложилось единого подхода к определению узурпации государственной власти, что связано с методологическим плюрализмом и различиями в правовых традициях, при этом узурпация власти рассматривается как правовая, политико-философская и институциональная проблема, требующая междисциплинарного анализа.

Теоретико-правовые подходы к понятию власти. Рассматривая природу государственной власти, Е. Вятр предлагает условно классифицировать имеющиеся в науке подходы следующим образом: «бихевиористические (власть как особый тип поведения, оказывающий влияние на поведение других); телеологические (власть рассматривается как достижение определенной цели); инструменталистские (власть как использование определенных средств); структуралистские (власть рассматривается в качестве отношений между управляющим и управляемым); конфликтные (власть как возможность принятия решений и распределения материальных благ в условиях конфликтов); власть как влияние, приказ, и обязанность других повиноваться таким приказам» [1, с. 159].

При этом Е. Вятр придерживается последнего подхода, хотя и подвергавшегося значительным уточнениям и дополнениям, но в целом получившего широкое распространение в зарубежной и российской научной литературе и пользующегося признанием многих исследователей [1, с. 159].

При изучении вопросов понимания власти в российской правовой науке можно выделить три периода — досоветский, советский и постсоветский, на каждом из которых доминировала та или иная концепция власти.

В дореволюционной правовой науке власть в основном рассматривалась в совокупности с правом, силой и волей. Так, Н.Н. Алексеев, рас-

смаатривая власть, отмечал, что «явления власти и подчинения сводятся не к экономическим, а к чисто психологическим основам» [2, с. 485].

По мнению Н.М. Коркунова, «властвование предполагает вообще сознание не со стороны властвующего, а со стороны подвластного... Для властвования требуется только сознание “зависимости”, а не реальность ее... власть есть сила, обусловленная сознанием зависимости подданных. Если власть — сила, обусловленная сознанием зависимости подвластных, то государство может властвовать, не обладая ни волей, ни сознанием, лишь бы люди, его составляющие, сознавали себя зависимыми от него» [3, с. 22–24].

А.И. Хорошильцев подчеркивает, что «власть как целостное явление формируется сопряженностью двух элементов, а именно: ее силы как господствующей и воздействующей активности и как отражение этой силы в общественном сознании — таким образом, если обществом необходимость присутствия данной силы не признается, то любое ее проявление вонне воспринимается как произвол. И наоборот — ее присутствия обществом формируются в право и власть, и таким образом сила становится властью посредством права как формы ее обусловленности сознанием» [4, с. 45].

В советский период в науке существовали следующие основные подходы к классификации власти, систематизированные А.Г. Аникевичем: «способность отдельного лица, группы лиц или общества подчинять своей воле поведение людей; волевое социальное отношение, характеризующееся доминирующей волей одной из сторон, осуществляемой с применением определенных властных методов; как функция коллектива по руководству» [5, с. 44].

Наиболее содержательные понятия государственной власти сформулированы в следующих основных подходах к определению государственной власти: «как волевое отношение; как орган государства; как функция; как совокупность полномочий» [6, с. 25].

В рамках первого подхода В.Е. Чиркин определял государственную власть как «возникающее на основе социальной асимметрии в обществе и обусловленное потребностями управления им волевое отношение, в котором одной из сторон является особый политический субъект — государство, его орган, должностное лицо» [7, с. 16].

По утверждению Л.И. Петражицкого, государственную власть следует рассматривать как правоотношения, а именно как права одних во взаимосвязи с обязанностями других [8, с. 192].

Сторонники второго подхода предлагают рассматривать государственную власть через призму ее реализации, а именно как «систему органов государства» [9, с. 99]. Здесь, на наш взгляд, не вполне обоснованно понятие государственной власти соотносится с осуществляю-

щими ее органами, поскольку представляется, что они являются лишь носителями власти, обеспечивают ее реализацию, но не представляют собой государственную власть как таковую.

В данной контексте А.И. Хорошильцев отмечает, что государственная власть и органы государственной власти соотносятся между собой как форма и содержание, когда органы представляют собой форму, а государственная власть — содержание, наполняющее деятельность тех или иных государственных органов смыслом [4, с. 4].

В рамках третьего подхода под государственной властью предлагается понимать необходимую для любого общества функцию по руководству, управлению и координации волевых действий общества [10, с. 228; 11, с. 327; 12, с. 19; 13, с. 15], то есть в этом случае власть «служит концентрированным выражением экономических потребностей своего носителя — класса, сотрудничающих социальных сил, национальной элиты, политической партии и т.д.» [14, с. 42].

Представляется, что сущность государственной власти неправомерно сводить к осуществляемой ею функции, поскольку функция представляет собой производную от субстанции, свойством которой она является.

Четвертого подхода придерживается А.А. Кузнецов, отмечая, что он «позволяет создать гораздо более отчетливое представление о государственной власти как о самостоятельном явлении объективно существующего социального мира, формализовать и объективировать его» [15, с. 26].

Рассматривая проблему определения власти, Ю.Г. Волков, А.В. Лубский, В.П. Макаренко, Е.М. Харитонов делают вывод о том, что в целом существуют два подхода — конфликтологический и функционалистский, при этом, согласно первому подходу, речь идет о борьбе за ограниченные ресурсы, тогда как в рамках второго подхода определяющее значение придается формам сотрудничества, когда политическая система рассматривается как целостное единство [16, с. 33].

И.А. Ильин рассматривал государственную власть в качестве целостного явления и подчеркивал, что «власть государства делится и распределяется между всеми его органами; целиком она не принадлежит ни одному органу... власть государства равна сумме властных полномочий всех его органов» [17, с. 126].

Обобщив наиболее распространенные в юридической доктрине точки зрения, В.М. Горшенев придерживается позиции, что под государственной властью следует понимать «юридическое воздействие государства на поведение участников общественных отношений, осуществляемое в интересах всего общества или определенного коллектива с целью подчинить поведение отдельных субъектов установленному в обществе порядку» [18, с. 19—20].

В.А. Четвернин делает заключение о том, что «одним из основополагающих принципов организации государственной власти и демократического правового государства, вне всякого сомнения, выступает принцип разделения властей. К внутренним принципам разделения властей следует отнести недопустимость соединения следующих ветвей власти: законодательной и исполнительной; судебной и законодательной; судебной и исполнительной» [19, с. 92—97].

В.И. Ефимов в рамках рассматриваемых вопросов приходит к следующей точке зрения: «Законодательная власть не может действовать в качестве исполнительной и судебной; исполнительная власть — в качестве законодательной и судебной; судебная власть — в качестве законодательной и исполнительной» [20, с. 210—211]. По его мнению, данные принципы являются формулой разделения властей.

Узурпация в современных правовых парадигмах. В условиях демократического правового государства недопустимость узурпации власти является требованием, призванным обеспечить устойчивость институтов, защиту суверенитета и конституционный порядок. Тем не менее на практике именно подмена законных механизмов реализации власти, ее «присвоение» отдельными субъектами или структурами и искажение баланса между ветвями власти становятся первоисточником политических кризисов, нарушений прав человека и разрушения основ правового государства.

Актуальность изучения научных подходов к определению узурпации государственной власти обусловлена тем, что в современных условиях она может принимать «гибридные» формы, скрываясь под видом правовых реформ, чрезвычайных мер или институциональных преобразований. На наш взгляд, отсутствие единообразного юридического определения данного явления препятствует его своевременному распознаванию и эффективному реагированию.

Термин «узурпация» (лат. *usurpatio* — захват, самовольное присвоение) получил широкое распространение в политико-правовой лексике уже в период Античности. В трудах Платона и Аристотеля анализируются формы власти, отклоняющиеся от идеала, в частности, тирания как форма самовластного и неправомерного захвата государственной функции без согласия народа. В «Политике» Аристотель указывает, что «тирания — монархическая власть, имеющая в виду выгоды одного правителя; олигархия блюдет выгоды состоятельных граждан; демократия — выгоды неимущих; общей же пользы ни одна из них в виду не имеет» [21, с. 85].

Существенный вклад в развитие понимания узурпации власти внесли мыслители Нового времени. Д. Локк в «Двух трактатах о правлении»

(1690) подчеркивает, что всякая власть, присвоенная или осуществляемая вне закона и без воли народа, есть узурпация, нарушающая естественные права и общественный договор. Д. Локк отмечает, что «узурпация есть осуществление власти, на которую имеет право другой» [22, с. 422]. Узурпация, по Д. Локку, возникает тогда, когда тот, кто не имеет на это права, самовольно присваивает себе функции государственной власти.

Ш. Монтескье в «Духе законов» (1748) прямо связывает узурпацию с нарушением принципа разделения властей, отмечая, что «если власть законодательная и исполнительная будут соединены в одном лице или учреждении, то свободы не будет, так как можно опасаться, что этот монарх или сенат станет создавать тиранические законы для того, чтобы так же тиранически применять их. Не будет свободы и в том случае, если судебная власть не отделена от власти законодательной и исполнительной. Если она соединена с законодательной властью, то жизнь и свобода граждан окажутся во власти произвола, ибо судья будет законодателем. Если судебная власть соединена с исполнительной, то судья получает возможность стать угнетателем» [23, с. 151].

Таким образом, еще в рамках классических доктрин естественно-го права и раннего либерализма узурпация рассматривалась не просто как правонарушение, но как угроза разрушения правового порядка, что впоследствии трансформировалось в позитивно-правовую категорию, нашедшую отражение в конституциях и актах международного права.

В XX в., особенно в период после Второй мировой войны, внимание к проблеме узурпации власти усилилось в связи с ростом авторитарных и тоталитарных режимов. Исследователи, в частности Г. Кельзен, подчеркивали, что узурпация подрывает правовую легитимность государственной власти и требует санкционированного механизма ее пресечения или восстановления легитимного порядка [24].

Вопрос узурпации власти находит отражение в различных правовых парадигмах от нормативного позитивизма до естественно-правовых и политико-правовых теорий, что обуславливает множественность подходов к ее понятийному определению и юридической квалификации.

С позиций юридического позитивизма узурпация государственной власти трактуется как юридический факт, выражающийся в нарушении формально установленных правовых процедур и полномочий. С такой точки зрения узурпация представляет собой действие, при котором субъект, не обладающий соответствующей компетенцией, присваивает полномочия, отнесенные к иным органам или уровням государственной власти.

Согласно позиции Г. Кельзена, «государственная власть может считаться легитимной только в том случае, если она опирается на действующую юридическую норму, если же лицо или орган захватывает

власть в обход установленного правом порядка, то такое действие не может быть признано юридически действительным и, соответственно, являясь узурпацией власти в правовом смысле» [25].

В соответствии с позитивистским подходом правовая оценка узурпации не зависит от целей, намерений или последствий захвата власти, то есть основным критерием здесь выступает то, возникла ли власть в рамках установленной правовой процедуры, и отсюда вытекает, что даже эффективное управление, основанное на нарушении установленного порядка передачи полномочий не может быть признано легитимным в рамках позитивистской теории.

В случае успешной революции или переворота сторонники юридического позитивизма в целом допускают возможность ретроспективного признания новой власти как легитимной, но только в том случае, если ею был утвержден новый правопорядок, в противном случае власть остается узурпированной и юридически ничтожной.

Следовательно, критерием узурпации власти в юридическом позитивизме является несоблюдение норм действующего права, что является крайней степенью формализованности.

Данный подход характерен в основном для немецкой и французской доктрин, к недостаткам позитивистского подхода можно отнести то, что им не охватываются «скрытые» или «замаскированные» формы узурпации, то есть случаи, когда формально власть действует в рамках закона. В качестве примера можно привести расширение президентских полномочий посредством проведения «реформ» в отсутствие независимого суда или свободной прессы, что может формально не нарушать закон, но, по сути, будет подрывать баланс власти.

В рамках натуралистического подхода узурпация государственной власти рассматривается через призму нарушения правового содержания власти и политико-этических оснований легитимности. Согласно данной позиции узурпацией считается не только формальное нарушение закона, но и отклонение от принципов справедливости, народного суверенитета и прав человека, даже если оно реализуется в правовых рамках.

Р. Дворкин утверждает, что юридический позитивизм «не способен провести четкую грань между легитимной и узурпированной властью, поскольку определяет законность по происхождению, а не по моральному обоснованию». По его мнению, даже если режим, пришедший к власти «через силу или обман», сумеет построить институты и систему правил, это не делает его легитимным: «недостаточно соблюдения правил, требуется моральная претензия на власть», более того, он подчеркивает, что «даже эффективно работающая правовая система может быть морально нелегитимной, если она основана на узурпации или несправедливости» [26].

В рамках позитивизма узурпация может приобрести юридическую легитимность, если ведет к эффективному правопорядку, тогда как в рамках естественно-правового подхода она признается нарушением, даже если формально переходит в «правовое» русло — данное расхождение отражает фундаментальный спор между формально-юридическим и морально-нормативным пониманием права.

В связи с этим Р. Дворкин подчеркивает, что право представляет собой не только текст, но и ценностный порядок, то есть власть, действующая формально в рамках закона, но вразрез с фундаментальными правами, не может считаться легитимной [26].

Дж. Уолдрон в контексте данных рассуждений отмечает, что «правовая система может оставаться формально законной и одновременно быть глубоко узурпированной, если она отказывается от принципа подотчетности власти перед народом» [27].

Таким образом, к недостаткам естественно-правового подхода следует отнести сложность установления объективного критерия относительно морально-этических характеристик власти.

Заключение. Проведенный анализ показал, что узурпация государственной власти представляет собой сложное многоаспектное явление, которое не может быть адекватно понято в рамках исключительно одного правового подхода. С позиций юридического позитивизма узурпация трактуется как формальное нарушение установленного порядка осуществления власти, в то время как в рамках естественно-правовой парадигмы акцент смещается на соответствие власти принципам справедливости, прав человека и народного суверенитета. Следовательно, позитивизм обеспечивает правовую определенность, но не всегда способен распознать институционально замаскированные формы захвата власти, в свою очередь, натуралистический подход позволяет оценить морально-этическую легитимность власти, но чреват недостатком четких юридических критериев. В современных условиях политико-правовых реформ и попыток концентрации власти необходим комплексный подход, объединяющий формальные и содержательные критерии оценки власти. Такая методология позволяет своевременно выявлять и предотвращать узурпацию государственной власти, сохраняя устойчивость правопорядка и принцип разделения властей.

Список источников

1. Вятр Е. Социология политических отношений. М.: Прогресс, 1979. 464 с.
2. Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М.: Аграф, 1998. 640 с.
3. Коркунов Н.М. Русское государственное право. 6-е изд. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1908. Т. 1. 623 с.

4. *Хорошильцев А.И.* Государственная власть и принципы ее организации в демократическом обществе (теоретико-правовое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. М., 2002. 24 с.
5. *Аникевич А.Г.* Политическая власть. Вопросы методологии исследования. Красноярск: Изд-во Красноярского университета, 1986. 176 с.
6. *Карнаушенко Л.В.* «Политическая власть» и «государственная власть»: к вопросу о соотносимости понятий и смысловом наполнении дефиниций // *Философия права*. 2008. № 1. С. 23–26. EDN: MVYLRТ
7. *Чиркин В.Е.* Элементы сравнительного государственоведения. М.: ИГПАН, 1994. 151 с.
8. *Петражицкий Л.И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб.: Слово, 1907. Т. 2. С. 310–656.
9. *Малый А.Ф.* Государственная власть как правовая категория // *Государство и право*. 2001. № 3. С. 94–99.
10. *Любащиз В.Я.* Государственная власть: понятие, особенности и виды // *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. 2002. № 6 (245). С. 224–238. EDN: TLGATT
11. *Марченко М.Н.* Теория государства и права. М.: Велби, 2006. 636 с.
12. *Макаров О.В.* Соотношение права и государства // *Государство и право*. 1995 № 5. С. 16–22.
13. *Хвостов В.М.* Общая теория права. СПб.: Тип. Вильде, 1914. 148 с.
14. *Манов Г.Н.* Признаки государства: новое прочтение // *Политические проблемы теории государства*. М.: ИГиП РАН, 1993. С. 38–46.
15. *Кузнецов А.А.* Уголовно-правовая характеристика насильственных форм захвата власти: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2022. 36 с.
16. *Волков Ю.Г., Лубский А.В., Макаренко В.П., Харитонов Е.М.* Легитимность политической власти (методологические проблемы и российские реалии). М.: Высшая школа экономики, 1996. 252 с. EDN: VJVJAT
17. *Ильин И.А.* Общее учение о праве и государстве // *Собр. соч.: в 10 т.* М.: Русская книга, 1994. Т. 4. 624 с.
18. *Горшенев В.М.* Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М. Юрид. лит-ра, 1972. 258 с.
19. *Четвернин В.А.* Демократическое конституционное государство: введение в теорию. М.: ИГПАН, 1993. 140 с.
20. *Ефимов В.И.* Власть в России. М.: РАГС, 1996. 288 с.
21. *Аристотель.* Политика. М.: Академический проект, 2020. 318 с.
22. *Локк Дж.* Два трактата о правлении. Челябинск: Социум, 2020. 496 с.
23. *Монтескье Ш.Л.* О духе законов. М.: РИПОЛ Классик, 2019. 690 с.
24. *Hans Kelsen* General Theory of Law and State. Cambridge: Harvard University Press, 1949. 516 p.
25. *Кельзен Г.* Что такое справедливость? Справедливость, право и политика в зеркале науки. СПб.: Алеф-Пресс, 2023. 438 с.
26. *Дворкин Р.* Империя права. М.: Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара, 1986. 470 с.
27. *Waldron J.* The Rule of Law and the Importance of Procedure. URL: https://www.researchgate.net/publication/47389206_The_Rule_of_Law_and_the_Importance_of_Procedure

Сведения об авторах

НАСБЕКОВА

Саткынай Калыбековна,
доктор юридических наук,
профессор кафедры
предпринимательского права,
Юридический институт
Кыргызского национального
университета им. Ж. Баласагына,
Бишкек, Кыргызская Республика
satkynai26@mail.ru,
<https://orcid.org/0009-0009-8286-1966>

КЕНЖЕБАЕВ

Сыргак Медеркулович,
кандидат юридических наук,
докторант,
Институт государства
и права Национальной академии наук
Кыргызской Республики,
Бишкек, Кыргызская Республика
dzuzuka13@gmail.com,
<https://orcid.org/0009-0007-1764-3327>

МАТЕЕВА

Камилла Мырзабековна,
кандидат юридических наук,
декан юридического факультета,
Американский Университет
в Центральной Азии
Бишкек, Кыргызская Республика
kami.mateeva@gmail.com,
<https://orcid.org/0009-0009-3533-6923>

Статья поступила в редакцию
05.08.2025

Одобрена после рецензирования
10.09.2025

Принята к публикации
25.11.2025

The authors

Satkynai K. NASBEKOVA,

Doctor of Sciences (Law),
Professor of Business
Law Department,
Law Institute,
Jusup Balasagyn Kyrgyz
National University,
Bishkek, Kyrgyz Republic
satkynai26@mail.ru,
<https://orcid.org/0009-0009-8286-1966>

Syrgak M. KENZHEBAEV,

Candidate of Sciences (Law),
Doctoral Candidate at the Institute
of State and Law of the
National Academy of Sciences
of the Kyrgyz Republic
Bishkek, Kyrgyz Republic
dzuzuka13@gmail.com,
<https://orcid.org/0009-0007-1764-3327>

Kamila M. MATEEVA,

Candidate of Sciences (Law),
Head of the International
and Business Law Department,
American University of Central Asia
Bishkek, Kyrgyz Republic
kami.mateeva@gmail.com,
<https://orcid.org/0009-0009-3533-6923>

The article was submitted
05.08.2025

Approved after reviewing
10.09.2025

Accepted for publication
25.11.2025